

К.В. Алексеев

«СВЕЖЕЕ ПРЕДАНИЕ» Я.П. ПОЛОНСКОГО: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОДЕРЖАНИЯ¹

В статье анализируется общественно-политический аспект незаконченного романа в стихах Я.П. Полонского «Свежее предание» с использованием плана ненаписанных глав. Выделяются следующие составляющие данного аспекта: идея свободы и протест против крепостного права; влияние идеологов сороковых годов XIX века на последующие поколения; взаимоотношения теоретиков сороковых и шестидесятых годов XIX столетия. Проводятся параллели с произведениями других русских поэтов и писателей XIX века, в частности, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского. Отдельное внимание уделяется типу «лишнего человека» и вопросу о прототипе главного героя Камкова в произведении Полонского. Рассматриваются образы «Свежего предания» (рассказчик, Камков, Лора, Ульяна Ивановна, князь Таптыгин, баронесса), имеющие ключевое значение при анализе общественно-политического аспекта романа в стихах. Исследуются мнения современников писателя относительно произведения Полонского, а также оценки его критиками и исследователями творчества поэта. Делается вывод о том, что роман в стихах Я.П. Полонского – высокогражданское произведение, в котором общественно-политическая проблематика является ведущей, а бытописание и любовная тема – своего рода фон, позволяющий глубже понять идеологическую атмосферу середины XIX столетия.

западники, идеология, крепостное право, либерализм, роман в стихах, общественно-политический аспект произведения, славянофилы, сороковые годы XIX века, Я.П. Полонский.

«Свежее предание» – произведение Я.П. Полонского, главы которого печатались в журнале «Время» в 1861–1862 годах. Всего было опубликовано шесть глав из задуманных двадцати, однако автор оставил план незаконченных четырнадцати глав, что позволяет провести целостный анализ общественно-политического контекста произведения. Жанр «Свежего предания» Полонский определил как роман в стихах, что само по себе подчеркивало связь с А.С. Пушкиным. Как и автор «Евгения Онегина», он попытался воспроизвести жизнь русского общества в сороковые годы XIX столетия. Необходимо подчеркнуть, что «Свежее предание» носит также и мемуарный характер.

Публиковались первые главы романа в журнале Ф.М. и М.М. Достоевских «Время» с анонсом от редакции: «В следующей, июньской книге «Времени» мы печатаем одно из замечательнейших произведений нашей текущей литературы: первые три главы из романа в стихах Я.П. Полонского “Свежее предание”. Мы говорим об этом произведении как о событии в литературе»². Реакция на опубликованные главы романа в стихах Я.П. Полонского была неоднозначной, но это говорило только о том, что произведение не оставило читателей равнодушными. 31 июля 1861 года Ф.М. Достоевский писал Я.П. Полонскому: «В публике отзывы (как я слышал) различные, но что хорошо, что ценители делятся довольно резко на две стороны: или бранят, или очень хвалят, – а это самое лучшее. Значит, не пахнет золотой серединой...»³.

Помимо многочисленных достоинств (искусное бытописание и живописность пейзажей, мастерство психологического портрета, легкость и афористичность стиха и т.д.) «Свежего предания», следует отметить высокий гражданский смысл произведения Я.П. Полонского, проявившийся в общественно-политической проблематике как опубликованных шести глав, так и плана незаконченной части романа в стихах. Главной составляющей общественно-политического аспекта «Свежего предания» стала идея свободы: внутренней, духовной свободы человека и свободы физической. Ни одна, ни другая были невозможны в крепостнической России, и именно против крепостного права прежде всего было направлено перо Полонского – автора романа в стихах.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект 17-04-00501а «Литературное наследие Я.П. Полонского: исследование и комментарий» на 2017 год.

² Тхоржевский С.С. Высокая лестница // Портреты пером: исторические повести. Л., 1984. С. 455.

³ Достоевский Ф.М. Письма. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 303.

Олицетворением крепостничества в «Свежем преданье» стал князь Таптыгин. Лаконичные характеристики этого персонажа по тексту произведения, а также более конкретные сведения о нем в плане ненаписанных глав позволяют создать целостный образ развратного и высокомерного крепостника-самодура. Из опубликованных глав читатель узнает, что Таптыгин – злодей, характеризуемый, в частности, как невежда и нахал, считающий, что ему все позволено. Тирания князя распространяется и на его семью: Ульяна Ивановна, его бывшая жена, лишена возможности видеться с дочерью Ларисой, которая становится невольной свидетельницей развратного образа жизни своего отца. Вот как описывает Ульяна Ивановна свой уход от Таптыгина:

– Не вынесла, мой друг. В наш дом
Князь поместил свою Любашу,
Цыганку. Заваривши кашу,
Хотел он скрыть ее – и скрыл!..
И где ж ее он поместил?
С княжною рядом – подле детской!!
«Я няньку нанял, – говорит, –
Привез из слободы немецкой».
Да с этой нянькой и кутит..
Что будешь делать? Я ни слова,
Ни полсловечка... Я взяла
Да и ушла...⁴

В плане произведения, который не был реализован, Я.П. Полонский дает Таптыгину более полную характеристику: «Он приехал, вызванный судом по какому-то уголовному делу, от всех тщательно скрываемому, и отделяется от суда, давая взятки и пленяя всех своей благонамеренностью. Это салонный герой со всеми утонченностями светской любезности, когда он во фраке и – беспощадный самодур, грязный кутила и развратник, когда он дома, в бархатных шароварах и в красной канаусовой рубашке с косым воротом» (с. 361).

Таптыгину противопоставлен главный герой произведения – Камков, через образ которого Я.П. Полонский живо воспроизводит идеологическую атмосферу сороковых годов XIX века. Несмотря на то, что рассказчик в «Свежем преданье» заявляет себя как историк Таптыгина, он на самом деле становится биографом Камкова. Прототипом последнего часто называют поэта И.П. Клюшников, на что имеются прямые указания. Так, Камков, как и Клюшников, подписывал свои стихи греческой буквой “θ”: «И в “Наблюдателе” искали / Стихов под литерой θ» (с. 280), жил в Москве на съемной квартире: «Близ Полянки / Камков жил у одной мещанки / Во флигеле» (с. 281), отказался от преподавательской и научной деятельности: «Он рад был день и ночь трудиться, / Но уверял, что не годится / В московские профессора» (с. 305), давал частные уроки и т.д. Однако говорить о том, что Камков – это с протокольной точностью описанный поэт Клюшников, конечно, нельзя. Совершенно точно по этому поводу пишет И.Б. Мушина: «Камков – образ собирательный, в чем-то чрезвычайно близкий лирическому герою-рассказчику, да и самому Полонскому»⁵. Добавим лишь, что этот собирательный образ близок многим представителям молодого поколения сороковых годов XIX века.

Камков – носитель и пропагандист идеалов свободы, честности, порядочности, благородства, типичный представитель прогрессивной интеллигенции середины XIX столетия, сторонник западнической общественно-политической мысли. Автор романа в стихах подчеркивает тесные дружеские отношения своего героя с видными идеологами западничества того времени М.А. Бакуниным, Н.Х. Кетчером, А.И. Герценом:

И едет он, не забывая,
Что ждет его семья друзей,
Стаканы с чаем, кренделей
Тарелка, трубка, разговоры
На тысячу ладов, мечты,
Приятельские остроты,
Философические споры,
И Б., и К., и Г. ... (с. 324)

⁴ Полонский Я.П. Стихотворения. Поэмы. М.: Правда, 1986. С. 340. В дальнейшем текст романа в стихах и плана ненаписанных глав цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

⁵ Мушина И.Б. Поэзия и проза Полонского // Я.П. Полонский. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 16.

Как и большинство западников, Камков увлечен немецкой классической философией:

Ну, словом, Гегель для него
Был первый друг и запевало.
Из отвлеченностей его
Он много разных истин вывел
И даже чуть не оплешивел (с. 304).

Я.П. Полонский подчеркивает идеализм Камкова:

...Камков отчасти
По складу сердца был артист,
А по уму идеалист (с. 289).

Действительно, главному герою романа в стихах свойственны определенная оторванность от жизненных реалий и идеалистический максимализм. Камков – теоретик, его светлые идеалы и добрые побуждения не приводят к действиям. Вот как говорит о Камкове рассказчик:

...Для меня
Камков действительно был гений,
Хоть он заметного следа
Среди общественных явлений
И не оставил, господя (с. 284).

Образованность и красноречие и при этом неспособность воплощать свои идеалы в жизнь позволяют отнести героя Я.П. Полонского к типу «лишних людей» в русской литературе. Рассказчик прямо сравнивает Камкова с Рудиным – героем одноименного романа И.С. Тургенева:

Увы! как Рудину, – тогда
Ему была одна дорога:
В дом богадельни иль острога (с. 284).

Для своего героя автор «Свежего преданья» определил больницу, практически богадельню.

Сравнение Камкова и Рудина интересно и в плане взаимоотношений этих героев с представителями света. Камков попадает в великосветское общество случайно. Сначала он занимается с юным бароном как обычный домашний учитель, но лишь до того момента, когда баронесса от кого-то узнала,

Что это – золото-учитель,
Что он магистр и сочинитель,
Что он, как древний Ювенал,
Не только знает по-латыне,
Но, что довольно редко ныне,
Прочел Гомера до конца,
И так же изучил глубоко
Язык богов и дух слепца,
Как баронесса Поль де Кока (с. 288).

Позже баронесса убеждается в том, что учитель ее сына еще и не разночинец, а, очевидно, принадлежит к дворянскому сословию:

Через неделю оказалось,
Что он, хотя и латинист,
Но вовсе не семинарист,
И так же знает по-французски
И по-немецки, как по-русски (с. 288).

Такой разворот событий окончательно покорила великосветскую красавицу:

Как говорит он! Боже мой.
Как мил!
Упала с глаз завеса:
Он человек передовой, –
Вообразила баронесса (с. 288).

Теперь баронесса сочла своим долгом ввести Камкова в свет:

Ему восторженно внимать,
Ему безмолвно поклоняться,
За ним карету посылать,

Задерживать и в свет толкать,
И за Камкова распинаться
Она повсюду, где была,
За первый долг себе сочла (с. 288–289).

Подобным образом развиваются события и в романе И.С. Тургенева: великосветская левница Дарья Михайловна Ласунская после знакомства с Рудиным «гордилась своей находкой и уже заранее думала о том, как она выведет Рудина в свет»⁶.

На первый взгляд баронесса в произведении Я.П. Полонского – женщина передовых убеждений и взглядов. Такое мнение, казалось бы, поддерживает и сам рассказчик:

Недаром зеленью, цветами
В мороз крещенский убрала
Она свой угол, и была
Всегда особенно мила
С московскими профессорами.
Стихи читала, как поэт,
Хоть и без лишних декламаций,
И на защиту диссертаций
Езжала в университет (с. 287).

Дарья Михайловна Ласунская так же старается выглядеть покровительницей ученых и поэтов. Однако интерес к наукам, поэзии и передовым взглядам – скорее лишь дань моде, а Рудин и Камков суть украшения, которые можно показать и которыми можно похвастаться на светских приемах и балах. Неслучайно Дарья Михайловна Ласунская, не задумываясь, отказывается выдать дочь замуж за Рудина. Для баронессы же недостаточно иметь Камкова в качестве своего рода знамени, она хочет обладать им, видя в нем чуть ли не свою собственность, подобную собачке Амишке. Показательно, что сам Камков с иронией рассуждает:

«...Пора на лаврах отдыхать!
На содержанье поступать,
Пора усердно притворяться
Влюбленным в баронессу, стать
Ее собачкой, к ней ласкаться
И перед ней хвостом вилять...» (с. 335).

Во вступительной статье к сборнику стихотворений и поэм Я.П. Полонского 1986 года В.Г. Фридлянд написала: «Письмо Камкова к любящей его женщине напоминает отповедь Онегина Татьяне»⁷.

Позволим себе категорически не согласиться с таким высказыванием, поскольку, на наш взгляд, ничего общего, кроме наличия письма, между романами в стихах А.С. Пушкина и Я.П. Полонского в данном случае нет ни по форме, ни, тем более, по содержанию.

Пространные лирические отступления о любви и записка баронессы, казалось бы, действительно должны говорить о ее чувстве к герою романа в стихах, однако, как представляется, это лишь иллюзия. Заметив на балу интерес Камкова к княжне Таптыгиной, баронесса испытывает некое подобие ревности и желание завлечь его. Когда же Камков не приходит на назначенное свидание, проявляется не просто обида, вызванная чувствами оскорбленной женщины и уязвленным самолюбием, но истинное отношение к нему:

Что он такое? ничего!
Плебей, учитель! Вечно занят,
Чтоб хлеб насущный добывать... (с. 350)

В итоге становится ясно, что баронесса была движима не любовью, а страстью собственницы:

...Не Камков
Уж был в уме у ней... Что значит
Камков? И не любовь в ней плачет,
А плачет гордость. Уж дотла

⁶ Тургенев И.С. Собрание сочинений : в 12 т. / под ред. Н.Л. Бродского, И.А. Новикова, А.А. Суркова. М. : Правда, 1949. Т. 2 : Рудин. Дворянское гнездо. С. 26.

⁷ Фридлянд В.Г. Поэт сердечной и гражданской тревоги // Полонский Я.П. Стихотворения. Поэмы. М. : Правда, 1986. С. 22.

В ней догорела страсть; желанья
Потухли... баронесса зла –
И только!.. (с. 353)

История Камкова в части взаимоотношений со светским обществом позволяет сделать вывод о том, что мода на прогрессивные идеи отнюдь не меняла сущности высшего сословия, представители которого, пораженные бациллой крепостничества, оставались собственниками не только материальных богатств, но и живых душ. Двучирие ярко изображено Я.П. Полонским в образах баронессы и, особенно, князя Таптыгина, который, как уже говорилось, одновременно был и салонным героем, и беспощадным самодуром, грязным кутилой и развратником.

Еще одной чертой, объединяющей и одновременно разделяющей героев романа И.С. Тургенева «Рудин» и романа в стихах Я.П. Полонского «Свежее преданье», является их отношение к любви. Если говорить об этом чувстве в общем, мы увидим, что и Рудин, и Камков относятся к нему скорее рационально, головой, нежели сердцем, чему причиной, очевидно, усиленные занятия отвлеченной философией и склонность к теоретизированию. По этому поводу Я.П. Полонский не без иронии отмечает в своем романе в стихах:

Ужель Камков воображает,
Что философия должна
Другие сердцу дать уставы,
Что, наконец, решит она,
В чем наша воля, в чем мы правы?
Или намерен он создать
Теорию любви сначала (с. 320).

Однако герой «Свежего преданья», в отличие от Рудина, способен на сильное, хотя и безответное, чувство. В плане ненаписанных глав романа в стихах Я.П. Полонского Камков признается Лоре в любви, не претендуя на взаимность, и получает ответ: «Тот, кого я полюблю, должен походить на тот идеал мужчины и гражданина, который вы не раз рисовали передо мной, читая мне историю или толкуя великих поэтов. Я люблю вас, как друга, как брата. Впрочем, будущее зависит от вас – не теряйте надежды» (с. 361).

Любовные коллизии в произведении Я.П. Полонского «Свежее преданье», как в «Горе от ума» А.С. Грибоедова, не только переплетаются с общественно-политической проблематикой романа в стихах, но и делают последнюю более явной.

Проведя параллель между Камковым и Рудиным, Я.П. Полонский одновременно отметил их «значительную разность». Рассуждая о влиянии идеи на разные характеры одного «вечного типа», поэт пишет:

...Мой Камков
Был с нею чем-то вроде Пери,
Блуждающей у райской двери,
Внимающей из облаков
Далекого блаженства звукам
И в то же время адским мукам,
Огню и скрежету зубов (с. 284).

Действительно, Камков, в отличие от Рудина, стоит на конкретной политической платформе, последователен и тверд в отстаивании своих нравственных императивов, будь то вопросы любви, собственного достоинства или крепостного права. Как отмечалось выше, Камков – западник, который «не ездил за границу». Он ненавидит крепостное право. Вместе с тем Камков – истинный патриот России, любящий свою Родину, и здесь он вновь идеалист:

Конечно, к диким отношеньям,
От поколенья к поколеньям
Переходящим как завет,
Он чувствовал антипатию;
Но... как дитя, любил Россию,
И верил в то, чего в ней нет (с. 289).

Идеология западничества не мешает Камкову общаться со славянофилами, в которых он не видит непримиримых врагов. По мнению героя романа в стихах, их время еще не наступило,

поскольку первоочередной задачей является освобождение русского народа и предоставление ему прав и свобод:

«Нет! – часто думал он, – пока
Наш мужичок без языка, –
Славянофильство невозможно
И преждевременно, и ложно...» (с. 334).

Необходимо отметить, что западничество Камкова не имеет ничего общего с преклонением перед Западом, и в этом ключевое отличие героя «Свежего преданья» от баронессы, представляющей высший свет и в минуту бессонницы рассуждающей следующим образом:

... – Нет, Россия!
Еще ты дикая страна!
Невеждами населена,
Медведями! И молодые
Как старики, и старики
Как дети... Можно от тоски
Здесь умереть. Пора в Тоскану,
В Милан, в Венецию. Не стану
Я больше медлить здесь; прощай,
Прощай, Москва! с тобой прощаться
Я рада, только пожелай
Мне никогда не возвращаться.
Конечно, можно кой-кого
Здесь уважать. Литература
Цвеств начинает; я не дура
И понимаю... для чего
Пристрастной быть? – уж за науки
Россия принялась от скуки,
И в этом можно принимать
Участье, но... но – не дышать,
Не жить!.. (с. 355)

Главный идеал в политической концепции Камкова – народная свобода. При этом личная свобода не означает вседозволенности; она предполагает самоограничения в интересах всего народа. Такие мысли Камков пытается привить своей ученице – Ларисе Таптыгиной:

Камков ей часто намекал,
Что есть у всякого народа
Святая цель – его свобода.
По-своему он понимал
Свободу. Быть вполне свободным –
Он думал – значило связать
Себя во многом, сочетать
Свой личный идеал с народным (с. 334).

Таким образом Я.П. Полонский через своего героя утверждал принципы демократического государства в современном его понимании.

Идеалиста, «философического романтика», поборника свободы и справедливости Камкова ждет страшное испытание. Как писал Я.П. Полонский в плане ненаписанных глав, «Камков впервые лицом к лицу встречается с силой, враждебной всем его убеждениям, враждебной науке, любви, прогрессу и проч.» (с. 361–362). Силой этой является князь Таптыгин, с первой встречи невзлюбивший учителя своей дочери. Возмущенный дружескими отношениями Камкова и Лоры, Таптыгин пытается напоить учителя при дочери, но ничего не получается. Тогда князь начинает оскорблять Камкова, но последний с достоинством говорит самодуру, что «считает себя бесконечно выше его во всех отношениях» (с. 362). В итоге князь зовет людей, которые выталкивают Камкова на улицу.

Униженный Камков не находит способа ответить каким-либо действием на оскорбление. В современных ему реалиях это оказывается невозможным. Законным путем ничего сделать нельзя, поскольку, по словам автора, «жалоба в суд будет совершенно бесполезна; его обвинят за непочтительность к князю – князя оправдают» (с. 362). К тому же известно, что Таптыгин приехал в связи с уголовным делом, которое разрешил с помощью взятки. На радикальные действия гуманист Камков, очевидно, не способен. Он считает себя недостойным любви и даже дружбы Лоры и решает больше не видаться с ней. Таптыгин увозит дочь в деревню.

Таким образом, казалось бы, очередной «лишний человек» Камков потерпел фиаско, столкнувшись с реалиями жизни и показав свою практическую никчемность и ненужность. Однако Я.П. Полонский приводит читателя к иному выводу. Здесь следует говорить о второй составляющей социально-политического аспекта «Свежего преданья», которую можно обозначить как влияние идеологов сороковых годов XIX века на последующие поколения.

В отличие от Рудина, который на определенном этапе своей жизни пришел к идее передачи своих мыслей молодому поколению и не смог реализоваться в качестве педагога, Камков всегда служил в женском пансионе и давал частные уроки. Результаты его деятельности оказались неоднозначными. Из письма Камкову одного из учеников в 1846 году следует, что увлеченный свободолобивыми идеями учителя последний так и не нашел применения своим силам в условиях крепостнической России:

И вот, в углу для всех сокрытом,
Как ты, я стал космополитом, –
Стал гражданином мировым:
Порою в лес иду – порою
Стою задумчив над рекою, –
Увы! что делать мне с моим
Никем не понятым гражданством?
Здесь, перед рабством и тиранством
Равно я жалок и смешон (с. 360).

Совершенно иной результат дали занятия с Лорой Таптыгиной: княжна, которая, по ее же признанию, была бы не прочь плясать на пирушках своего отца и вышла бы замуж за первого негодяя, учит крестьянского мальчика Илюшу грамоте, истории, Священному Писанию, «старается привить к нему чувство человеческого достоинства» (с. 362).

Отстаивая честь сестры, Илюша убивает Таптыгина. Узнав об этом от Лоры, Камков говорит: «Бессильный я был человек; но вижу, слова мои были сильны. Через вас прошли они в душу какого-то деревенского мальчика и за меня он отомстил ему. Не мог я за себя вступить, он за меня вступился. Не мог я освободить вас, он вас освободил. Мой дух говорил с ним вашими устами. Убийца не этот мальчик, а я – бедный, слабый, умирающий; не он, а вы, потому что развивали в нем благородные чувства, тогда как кругом него была мерзость запустения и ничего человеческого. Придет время, и оно близко, когда крепостное право рухнет, и если царь не сокрушит его, оно сокрушит Россию. Я умираю, но знайте, что тень моя придет потревожить вас, если вы хоть одного человека назовете рабом своим» (с. 364).

Имел это в виду Я.П. Полонский или нет, но из плана ненаписанных глав проистекает мысль о том, что наиболее благодатной почвой для реализации идей свободы, чести, человеческого достоинства является сам закрепощенный народ. Неслучайно кузнец Фома, не получивший никакого образования, категорически отказывается жениться на сестре Илюши после того, как ее обесчестит барин. Ни угроза быть забритым в солдаты, ни физическое наказание не способны заставить Фому изменить решение. Таким образом, некоторым крестьянам изначально свойственны чувство собственного достоинства и самоуважение.

Десятилетие спустя после публикации романа в стихах «Свежее преданье» Ф.М. Достоевский иначе решил вопрос влияния западного либерализма сороковых годов XIX века на поколение шестидесятых годов. В романе «Бесы» великий русский писатель провел мысль о том, что Ставрогин и Верховенский – не историческая случайность, но закономерное порождение русской интеллигенции сороковых годов. Проблема поколений в романе «Бесы» интересно рассматривается, в частности, в работе Н.Ф. Будановой «Достоевский и Тургенев: творческий диалог»⁸.

Влияние мыслителей сороковых годов на поколение шестидесятых годов XIX столетия очевидно, но возникает вопрос о взаимоотношениях этих двух поколений, который становится третьей составляющей общественно-политического аспекта романа в стихах Я.П. Полонского «Свежее преданье». Рассказчик в произведении размышляет о поисках жизненного пути, который символизирует река, о стремлении к идеалу, к которому вел его главный герой произведения Камков.

И долго я искал дороги,
И медленно, где только мог,
Я плыл, толкая мой челнок,

⁸ Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев: творческий диалог. Л. : Наука, 1987.

И верил я в существованье
Иных, счастливых берегов:
Мне говорил об них Камков,
Герой недавнего преданья.
Не раз в излучинах реки
Сходились наши челноки...
Он старше был, пловец усталый,
Я был пред ним ребенок малый,
И он учил меня веслом
Махать смелее... (с. 309)

Здесь, очевидно, дана характеристика движения общественно-политической мысли сороковых годов XIX века на фоне гнетущей атмосферы николаевской эпохи, когда духовные и особенно общественно-политические искания не приветствовались.

Путь героя оказывается далеко не безоблачным и небезопасным:

...Вдруг пахнуло
На нас метелью...
Все кругом
Вдруг побелело, и потом
Его чуть в тину не втянуло,
Меня чуть не затерло льдом (с. 309).

При чтении этих строк невольно вспоминается «Арион» А.С. Пушкина:

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я – беспечной веры полн, –
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! –
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Таким образом, челн и у А.С. Пушкина, и у Я.П. Полонского становится символом общественно-политического единства, идеологических исканий прогрессивной части русского общества. Однако если «души прекрасные порывы» выдающихся людей пушкинской поры вылились в восстание на Сенатской площади, лучшие представители сороковых годов XIX столетия так и остались идеологами-теоретиками. Отсюда разные судьбы героев А.С. Пушкина и Я.П. Полонского: «Погиб и кормщик и пловец!» – у первого; «Меня чуть не затерло льдом» – у второго. При этом если герой стихотворения «Арион» остается верен прежним идеям («Я гимны прежние пою») и готовится продолжать их развитие («И ризу влажную мою / Сушу на солнце под скалою»), то рассказчик в произведении Я.П. Полонского «Свежее преданье», очевидно, отходит от активной деятельности, хотя и не отказывается от былых идеалов: «И я мой челн разбитый бросил. / Порой на берег выхожу: / Там вижу я обломки весел / И пригорюнившись сажу...» (с. 309).

На смену поколению рассказчика приходит другое, более смелое, требующее радикальных решений и практических действий; это поколение пятидесятых – шестидесятых годов XIX столетия, наиболее видные представители которого становятся властителями умов русского общества. Само появление этого нового поколения, его смелость и радикализм во многом были обусловлены восшествием на российский трон императора Александра II, наступившим периодом, который вполне может быть охарактеризован как «оттепель» (так его и определил Ф.И. Тютчев!). Прогрессисты сороковых годов, очевидно, чувствовали мощную связь с этими «новыми людьми» и считали их своими соратниками и последователями. Именно эти мысли и этот образ оттепели возникают при прочтении следующих строк романа в стихах «Свежее преданье».

Взломало лед, – и те же волны
Стремятся вдаль, и по волнам
Плывут других другие челны
К обетованным берегам.
Привет вам, братья! Путь счастливый!
Я по пословице правдивой –
«Рыбак узнает рыбака»,
Вас узнаю издалека (с. 310).

Однако возвращенное на плодородной почве либерализма сороковых годов XIX века это новое поколение весьма скептически относится к предшественникам.

Привет вам, братья! Но не знают,
Знать не хотят, не узнают
И на привет не отвечают –
И мимо берега плывут... (с. 310) –

с грустью говорит рассказчик.

Следует отметить, что Я.П. Полонский одним из первых русских писателей чутко уловил настроения российской молодежи шестидесятых годов XIX века по отношению к либералам годов сороковых. Недоверие, снисходительность, граничащая с высокомерием, в свою очередь временами перерастающим в откровенное презрение, были характерны для немалого количества представителей революционно-демократического лагеря. О какой-либо благодарности речь не шла. Позже, с теми или иными оттенками, проблема взаимоотношений между поколением конца пятидесятых – шестидесятых годов XIX столетия и старших поколений будет поставлена в целом ряде произведений, в том числе в социально-политических романах. Наиболее значимыми в этом отношении произведениями, безусловно, стали романы «Отцы и дети» И.С. Тургенева (Евгений Базаров, Аркадий Кирсанов, в начале произведения, с одной стороны, и отец Базарова, Павел Петрович Кирсанов – с другой) и «Бесы» Ф.М. Достоевского (взаимоотношения отца и сына Верховенских).

С нежелательными знать и не узнающими старших собратьев новыми демократами, упомянутыми Я.П. Полонским в произведении «Свежее преданье», ему доводилось быть знакомым лично. Несправедливость и неблагодарность молодого радикального поколения поэт испытал в реальной жизни. В основанной на архивных данных документальной повести «Высокая лестница» С.С. Тхоржевский описывает следующий эпизод: «Еще осенью 1860 года Писарев, никому тогда не известный двадцатилетний юноша, принес Полонскому свой стихотворный перевод из Гейне. Полонский рекомендовал его Благодетелю (на тот момент редактор журнала «Русское слово». – К. А.), и тот прислал записку: “Милейший Яков Петрович, г. Писарева приму, усажу и поговорю с ним...”»⁹. Всего через год Д.И. Писарев в № 11 «Русского слова», анализируя творчество А.Ф. Писемского, И.С. Тургенева и И.А. Гончарова, в частности, напишет: «Гг. Фет, Полонский, Щербина, Греков и многие другие микроскопические поэтики забудутся так же скоро, как те журнальные книжки, в которых они печатаются. “Что вы для нас сделали?” – спросит этих господ молодое поколение. – Чем вы обогатили наше сознание? Чем вы нас шевельнули, чем заронили в нас искру негодования против грязных и диких сторон нашей жизни? Сказали ли вы теплое слово за идею? Разбили ли вы хоть одно господствующее заблуждение? Стояли ли вы сами, хоть в каком-нибудь отношении, выше воззрений нашего времени?” На все эти вопросы, возникающие сами собою при оценке деятельности художника, наши версификаторы ничего не сумеют ответить»¹⁰. Используя в данном контексте фамилию Я.П. Полонского, без сомнения выдающийся критик был совершенно несправедлив.

Интересно, что именно в отношении автора романа в стихах «Свежее преданье» допущенная Д.И. Писаревым предвзятость признавалась даже в советское время. В 1958 году С.А. Трубников предложил к приведенному высказыванию критика следующий комментарий: «Отзыв Писарева о Фете и Полонском заострен против так называемой поэзии “чистого искусства”. Он не является правильным, отличаясь недооценкой прогрессивных сторон деятельности Полонского»¹¹.

⁹ Тхоржевский С.С. Высокая лестница. С. 463.

¹⁰ Писарев Д.И. Писемский, Тургенев и Гончаров (сочинения А.Ф. Писемского, т. I и II. Сочинения И.С. Тургенева) // Сочинения : в 4 т. Т. 1 : Статьи и рецензии 1859–1862. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955. URL : http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0100.shtml

¹¹ Писарев Д.И. Из статьи: Писемский, Тургенев, Гончаров (сочинения А.Ф. Писемского, т. I и II. Сочинения И.С. Тургенева) // Гончаров И.А. в русской критике : сб. ст. / вступ. ст. М.Я. Полякова ; примеч. С.А. Трубникова. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1958. URL : <http://goncharov.lit-info.ru/goncharov/articles/pisarev-pisemskij-turgenev-goncharov.htm>

Справедливости ради следует отметить, что и Я.П. Полонский в рассматриваемом произведении тоже бросил камень в огород своих критиков, сторонников гражданской литературы, отвергающих «чистое искусство». Именно так можно оценить уподобление их петуху из басни И.А. Крылова «Петух и Жемчужное зерно».

А между тем мой старый друг,
В навозе рывшийся петух,
Как человек обыкновенный,
Был и понятней, и сносней
(Хоть, может быть, и не умней)
Иной, глубоко современной
Нам критики: он не желал
Чудесного соединенья
Душеспасительных начал
С жемчужинами вдохновенья.
Нашед жемчужное зерно,
Он не желал, чтобы оно,
Не переставши быть жемчужным,
Могло быть для закуски нужным.
Он просто-напросто не знал
Ему цены, и браковал.
Конечно, столь же откровенных,
Фортуною благословенных,
Я знаю много петухов.
Они кричат нам: «Для голодных
Не нужно украшений модных,
Не нужно ваших жемчугов –
Изящной прозы и стихов.
Мы для гражданства не видали
От музы никаких заслуг:
Стихи бесплодны, как жемчуг.
Прочь – это роскошь!» Но – едва ли
У этих бедных петухов,
Опровергающих искусство,
Изящное простыло чувство
Для настоящих жемчугов? (с. 290)

На это указывал, в частности, В.Н. Орлов: «Здесь Полонский метил, очевидно, в Писарева и особенно в Минаева, который постоянно преследовал его в своих фельетонах и пародиях»¹².

Таким образом, «Свежее преданье» содержит и полемику представителя сороковых годов с молодым поколением середины XIX века. В приведенном фрагменте из романа в стихах, помимо иронического осуждения отрицания эстетической стороны поэзии и литературы в целом, можно увидеть убежденность автора в том, что такой нигилизм – скорее наносное явление, нежели искреннее, идущее от души, мироощущение (Но – едва ли / У этих бедных петухов, / Опровергающих искусство, / Изящное простыло чувство / Для настоящих жемчугов?). Интересно, что такая мысль была высказана Я.П. Полонским до появления романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», в котором главный герой, отвергающий чувства, эстетику, искусство на словах, оказывается совсем иным на деле, что и обуславливает его духовный кризис и в конечном счете осознание несостоятельности тотального отрицания.

Я.П. Полонский, хотя и очень кратко, обозначил в своем стихотворном романе еще одну полемическую тему во взаимоотношениях поколения сороковых годов XIX века с шестидесятниками и – шире – между либеральным и революционно-демократическим лагерями русского общества шестидесятых годов XIX столетия – тему философского мировоззрения. Если в сороковые годы передовым мыслителям был свойствен идеализм, то к шестидесятым годам XIX века в среде интеллигенции, особенно революционно-демократической, все большую популярность приобретает материализм. Вот что писал Я.П. Полонский Софье Сонцевой: «Читаю я теперь Фейербаха... Атеизм никак не гармонирует с моей натурой, но ум и его признает... Быть может, люди нового поколения и в сфере полнейшего неверия сумеют совершенно акклиматизироваться и отрастить новые крылья – не знаю. Говорю о себе – до сих пор я был

¹² Орлов В.Н. Полонский // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. 8 : Литература шестидесятых годов. Ч. 2. 1956. URL : <http://feb-web.ru/feb/irl/i10/i82/i82-2612.htm>

идеалистом. В новом воздухе – прежде, чем летать, нужно еще дышать привыкнуть»¹³. В таком же духе, но с оттенком иронии, рассказчик – герой романа в стихах «Свежее преданье» – отзывается об отрицателях-материалистах, уподобляя их черту.

...мне об ней
Всего скорей напоминает
Одеколон, когда его
Я слышу запах... отчего,
И почему? – сам черт не знает;
А черт не знает потому.
Что он не верит ничему
И Молешотта изучает (с. 273).

В шестидесятые годы Я. Молешотт – один из основателей вульгарного материализма – был достаточно популярен в интеллигентской среде. В частности, к нему с интересом относился Д.И. Писарев.

Целесообразно отметить, что практически первый русский социально-политический роман В.И. Аскоченского «Асмодей нашего времени», ставший предтечей «антинигилистического романа», получил известность, в частности, благодаря обличению безнравственности и атеизма революционных демократов. Роман был направлен против «тлетворного воздействия скептицизма»¹⁴. В дальнейшем одним из принципиальных между авторами общественно-политических романов XIX века (антинигилистические романы и романы о «новых людях») стало различие, в основе которого лежит антитеза «духовность – атеизм».

Общественно-политические идеи, частично реализованные в шести опубликованных главах и запланированные, но не написанные, перекликаются с положениями В.Г. Белинского, изложенными в 1847 году в письме Н.В. Гоголю: «...Россия видит свое спасение <...> в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, – права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми <...> где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей! Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть»¹⁵.

Роман в стихах «Свежее преданье» остался незаконченным. О причинах отказа Я.П. Полонского от дальнейшей реализации С.С. Тхоржевский писал: «Взявшись выстраивать подобие сюжета и покинув лирическую стихию, Полонский почувствовал себя неуверенно – и спасовал»¹⁶. Однако мы более склонны больше доверять самому поэту, который объяснял свое нежелание продолжать работу над произведением тем, что оно «потеряло уже свою свежесть» (с. 364). Действительно, отмена крепостного права в России обусловила потерю злободневности романа в стихах.

Таким образом, Я.П. Полонский как автор романа в стихах «Свежее преданье» выступил в качестве поэта гражданского направления, что отмечается, в частности, некоторыми современными исследователями¹⁷. На фоне широкой картины жизни русского общества сороковых годов XIX века писатель выделяет общественно-политический аспект, составляющими элементами которого становятся идеи свободы, неразрывно связанные с проблемой крепостного права в России, размышления о влиянии идеологов сороковых годов XIX столетия на шестидесятников и взаимоотношениях между ними в шестидесятые годы. Полонский обозначил в своем произведении общественно-политические проблемы, которые позже разрабатывались в романистике Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и других. Учитывая популярность романа в

¹³ Цит по: Тхоржевский С.С. Высокая лестница. С. 464.

¹⁴ Русские писатели. М., 1989. Т. 1. С. 118.

¹⁵ Белинский В.Г. Письмо к Н.В. Гоголю // Белинский В.Г. Избранные статьи. М. : Детская литература, 1973. С. 186.

¹⁶ Тхоржевский С.С. Высокая лестница.

¹⁷ См., например: Морозова С.Н. Творческая индивидуальность Я.П. Полонского: взаимосвязь романтических и реалистических традиций : дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2010.

стихах «Свежее преданье», можно предположить некоторое влияние его на последующее развитие общественно-политической проблематики в русской литературе XIX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ, ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Белинский, В.Г. Письмо к Н.В. Гоголю [Текст] // Белинский В.Г. Избранные статьи. – М. : Детская литература, 1973. – С. 186.
2. Буданова, Н.Ф. Достоевский и Тургенев: творческий диалог [Текст]. – Л. : Наука, 1987.
3. Достоевский, Ф.М. Письма [Текст]. – М. ; Л., 1928. – Т. 1.
4. Морозова, С.Н. Творческая индивидуальность Я.П. Полонского: взаимосвязь романтических и реалистических традиций [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – Пенза, 2010.
5. Мушина, И.Б. Поэзия и проза Полонского [Текст] // Полонский Я.П. Сочинения : в 2 т. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 1.
6. Орлов, В.Н. Полонский [Электронный ресурс] // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. 8 : Литература шестидесятых годов. – Ч. 2. – 1956. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/irl/i10/i82/i82-2612.htm>
7. Писарев, Д.И. Из статьи: Писемский, Тургенев, Гончаров (сочинения А.Ф. Писемского, т. I и II. Сочинения И.С. Тургенева) [Электронный ресурс] // Гончаров И.А. в русской критике : сб. ст. / вступ. ст. М.Я. Полякова ; примеч. С.А. Трубникова. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1958. – Режим доступа : <http://goncharov.lit-info.ru/goncharov/articles/pisarev-pisemskij-turgenev-goncharov.htm>
8. Писарев, Д.И. Писемский, Тургенев и Гончаров (сочинения А.Ф. Писемского, т. I и II. Сочинения И.С. Тургенева) [Электронный ресурс] // Сочинения : в 4 т. – Т. 1 : Статьи и рецензии 1859–1862. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955. – Режим доступа : http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0100.shtml
9. Русские писатели [Текст]. – М., 1989. – Т. 1.
10. Тургенев, И.С. Собрание сочинений [Текст] : в 12 т. / под ред. Н.Л. Бродского, И.А. Новикова, А.А. Суркова. – М. : Правда, 1949. – Т. 2 : Рудин. Дворянское гнездо.
11. Тхоржевский, С.С. Высокая лестница [Текст] // Портреты пером: исторические повести. – Л. : Советский писатель, 1984. – 544 с.
12. Фридлянд, В.Г. Поэт сердечной и гражданской тревоги [Текст] // Полонский Я.П. Стихотворения. Поэмы. – М. : Правда, 1986.

REFERENCES

1. Belinskii, V.G. Pismo k N.V. Gogolu [Text] // Belinskii V.G. Izbrannie stati. – M. : Detskaya literatyra, 1973. – S. 186.
2. Bydanova, N.F. Dostoevskii i Tyrgenev: tvorcheskii dialog [Text]. – L. : Nayka, 1987.
3. Dostoevskii, F.M. Pisma [Text]. – M. ; L., 1928. – T. 1.
4. Morozova, S.N. Tvorcheskaya individyalnost Ya.P. Polonskogo: vzaimosvyaz romanticheskikh i realisticheskikh tradicii [Text] : dis. ... kand. filol. nayk. – Penza, 2010.
5. Myshina, I.B. Poeziya i proza Polonskogo [Text] // Polonskii Ya.P. Sochineniya : v 2 t. – M. : Hydojestvennaya literatyra, 1986. – T. 1.
6. Orlov, V.N. Polonskii [Electronic resource] // Istoriya rysskoi literatyri : v 10 t. / AN SSSR. In-t rys. lit. (Pyshkin. Dom). – M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1941–1956. – T. 8 : Literatyra shestidesyatiy godov. – Ch. 2. – 1956. – Mode of access : <http://feb-web.ru/feb/irl/i10/i82/i82-2612.htm>
7. Pisarev, D.I. Iz stati: Pisemskii, Tyrgenev, Goncharov (sochineniya A.F. Pisemskogo, t. I i II. Sochineniya I.S. Tyrgeneva) [Electronic resource] // Goncharov I.A. v rysskoi kritike : sb. st. / vstyp. st. M.Ya. Polyakova ; primech. S.A. Trybnikova. – M. : Gos. izd-vo hydoj. lit., 1958. – Mode of access : <http://goncharov.lit-info.ru/goncharov/articles/pisarev-pisemskij-turgenev-goncharov.htm>
8. Pisarev, D.I. Pisemskii, Tyrgenev i Goncharov (sochineniya A.F. Pisemskogo, t. I i II. Sochineniya I.S. Tyrgeneva) [Electronic resource] // Sochineniya : v 4 t. – T. 1 : Stati i recenzii 1859–1862. – M. : Gos. izd-vo hydoj. lit., 1955. – Mode of access : http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0100.shtml
9. Rysskie pisateli [Text]. – M., 1989. – T. 1.
10. Tyrgenev, I.S. Sbranie sochinenii [Text] : v 12 t. / pod red. N.L. Brodskogo, I.A. Novikova, A.A. Syrkova. – M. : Pravda, 1949. – T. 2 : Rydin. Dvoryanskoe gnezdo.
11. Thorjevskii, S.S. Visokaya lestnica [Text] // Portreti perom: istoricheskie povesti. – L. : Sovetskii pisatel, 1984. – 544 s.
12. Fridlyand, V.G. Poet serdechnoi i grajdanskoi trevogi [Text] // Polonskii Ya.P. Stihotvoreniya. Poemi. – M. : Pravda, 1986.

K.V. Alekseev

**J.P. POLONSKY'S "TRADITION CLAIMS":
SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS**

The article analyzes social and political aspects of J.P. Polonsky's unfinished verse novel "Tradition Claims", taking into account the plan of unwritten chapters. The author singles out the following components: the idea of freedom and protests against serfdom, the ideology of the 1840s and its influence on other generations, theories of the 1840s and the 1860s. The author underlines similarities with works by other Russian poets and writers of the 19th century, such as A.S. Pushkin, I.S. Turgenev, F.M. Dostoyevsky. The author focuses on the image of a superfluous man and a prototype of Kamkov, the protagonist of the verse novel. The author analyzes such characters as the narrator, Kamkov, Lora, Uliana Ivanovna, prince Tapygin, and the baroness, who are crucial to the understanding of social and political aspects of the work. The author analyzes opinions expressed by J.P. Polonsky's contemporaries regarding the verse novel and opinions expressed by his critics and researchers of his work. The paper maintains that J.P. Polonsky's novel verse focuses on social and political problems, while love and everyday routine serve as a kind of background which allows the poet to highlight the ideology of the middle of the 19th century.

Westerners, ideology, serfdom, liberalism, verse novel, social and political aspects of a work, Slavophiles, the 1940s, J.P. Polonsky.